

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО "ТРЕТЬЕЙ АНАЛОГИИ ОПЫТА" В "КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА КАНТА: МЕЖДУ ВОЗМОЖНЫМ ОПЫТОМ И ВОЗМОЖНОСТЬЮ ОПЫТА

Р.А. Лошаков (Стокгольм)

Аннотация: в статье показано, что доказательство "третьей аналогии опыта", данное Кантом в "Критике чистого разума", не может быть представлено в аналитической форме. Прежде всего, не существует никакого аналитического перехода от совокупности восприятий, данных в различные моменты времени, и локализованных в различных точках пространства, к требуемой доказательством одновременности восприятия. Равным образом, невозможно перейти от рассудочного понятия взаимодействия к реальному взаимодействию тел во времени и пространстве.

Ключевые слова: аналогия опыта, диахрония, одновременность, взаимодействие.

Одной из критических точек "Критики чистого разума" Канта является *третья аналогия опыта*, которую можно назвать постулатом полного взаимодействия: *"Все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном взаимодействии"*[Кант 1994, с.165]. Важность третьей аналогия заключается в том, в отличие от первых двух, она касается не только времени, но и пространства, поскольку, согласно Канту, о полном взаимодействии субстанций *в пространстве* можно говорить только полагая их *одновременное* существование. Другими словами, третья аналогия полагает *синхронию* пространства и времени, которая должна быть обеспечена соответствующей способностью *представить пространственно различное как одновременно существующее*. Обоснование этой способности Кант развивает в доказательстве третьей аналогии.

Исходным тезисом предлагаемого Кантом доказательства является утверждение, согласно которому об одновременности существования вещей в пространстве мы можем говорить только в том случае, если в *эмпирическом созерцании* мы имеем такую *чередую* восприятий этих вещей, которая позволяет нам произвольно переходить от одного восприятия к другому: "Так, я могу воспринять сначала луну, а затем землю или,

наоборот, сначала землю, а потом луну, и так как восприятие одного из этих предметов может чередоваться с восприятием другого, то я говорю, что эти предметы сосуществуют"[Кант 1994, с. 165]. Таким образом, в свободном чередовании восприятий нам дано *сосуществование* воспринимаемых вещей, которое, согласно Канту, "есть существование многообразного в одно и то же время"[Кант 1992, с. 166], в отличие от последовательности явлений во времени как неотъемлемой характеристики отношения причины и следствия. Действительно, отношение причинности исключает такое свободное чередование в силу того обстоятельства, что о причине мы можем говорить исключительно *post factum*, в прошедшем времени, имея налицо только порожденный ею эффект. Причина никогда не находится в поле актуального восприятия, отчего наше движение в ряду причин (условий) всегда является *регрессом*, начиная от явлений, данных нам в актуальном восприятии, к ближайшим и все более и более отдаленным основаниям этих явлений.

Итак, свободное чередование восприятий вещей является для Канта основанием полагания этих вещей как существующих в пространстве в *одно и то же время*. Однако эта трансценденталистская посылка сразу же наталкивается на фундаментальное затруднение, которое состоит в том, что сама череда этих восприятий протекает *во времени*. Разумеется, Кант прав, когда он говорит о том, что мы можем в произвольном порядке чередовать наши восприятия земли и луны. Однако "подвох" этого примера заключается в том, что мы не способны так синхронизировать наши восприятия земли и луны, чтобы эти явления были даны в нашем эмпирическом созерцании *одновременно*. Простейшее свидетельство нашего обыденного опыта убедительно подтвердит, что если мы смотрим на предмет, который находится перед нами в непосредственном визуальном поле, то мы не можем *в то же самое время* воспринимать предметы, которые находятся за нашей спиной. Следовательно, восприятие предметов как *одновременно существующих* всегда раскладывается в чередующиеся *во времени* восприятия. Поэтому, главную трудность, с которой сталкивается Кант при попытке доказать, что трансцендентальным условием полного взаимодействия субстанций является восприятие их в пространстве как одновременно существующих, мы можем сформулировать в виде следующего вопроса: *каким образом возможен переход от локальности восприятий субстанций, данных в различные моменты времени, к восприятию их как одновременно*

существующих в пространстве? Косвенно эту трудность признает и сам Кант, когда он говорит: "Однако само время нельзя воспринять, чтобы на основании того, что вещи даны в одно и то же время, заключить, что восприятия их могут следовать друг за другом, чередуясь"[Кант 1994, с.166]. Другими словами, мы заключаем к одновременному существованию вещей в пространстве от присущей нам способности свободного чередования восприятий этих вещей во времени; однако *одновременность* вещей в пространстве никак не может быть развернута в череду их восприятий во времени. Здесь открывается *непереходимая граница*, которую в ином контексте мы можем определить как *диахронию*.

Кант упирается в эту границу, которая ставит под вопрос постулат полного взаимодействия, так что доказательство этого постулата теперь напрямую зависит от того, удастся или нет ее преодолеть. Можно ли сказать, что восприятие предметов как одновременно существующих возможно благодаря силе *воображения*, которая действует поверх восприятий, и поэтому способна объединить *воспринимаемые в разное время* предметы в целостность предметов, существующих в одно время, подобно как мы, осуществляя ретроспективный охват наших восприятий, уверены в том, что предметы, воспринимавшиеся нами последовательно во времени, тем не менее существуют одновременно? Однако Кант отрицает такую возможность: "синтез воображения при схватывании может показать лишь, что каждое из этих восприятий существует в субъекте в то время, когда другого нет, и наоборот, но он не может показать, что объекты существуют одновременно, т.е, что если один из них имеется, то другой имеется в том же времени, и не может также показать, что это необходимо для того, чтобы восприятия могли чередоваться"[Кант 1994, с. 166]. Другими словами, Кант признает, что доказательство тезиса о полном взаимодействии вещей как одновременности их существования в пространстве невозможно, пока мы ограничиваемся субъективными условиями восприятия вещей, поскольку в этом случае мы всегда будем иметь дело с последовательностью восприятий вещей *во времени*, не будучи способны перейти к восприятию этих вещей как одновременно существующих. Не существует никакого перехода от *одновременности (локальности) восприятия предмета* к *восприятию одновременности предметов* Поэтому Кант говорит о необходимости такого *рассудочного понятия*, которое позволило бы нам совершить *переход к объекту*, или, другими словами, придать последовательности восприятий вещей во

времени объективную значимость: "Значит, для того, чтобы утверждать, что чередование восприятий имеет свою основу в объекте, и тем самым представлять одновременное существование как объективное, необходимо рассудочное понятие о чередовании определений этих одновременно существующих вне друг друга вещей"[Кант 1994, с. 166]. Таким образом, от *чередования восприятий* во времени мы переходим к рассудочному понятию *чередования определений*, а от него - к полному взаимодействию, формальный смысл которого состоит в том, что "основание определения одного находится в другом и наоборот [Кант 1994, с. 166]". Итог этому рассуждению Кант подводит следующим образом: "Следовательно, одновременное существование субстанций в пространстве можно познать в опыте не иначе, как допуская взаимодействие между ними; значит, взаимодействие есть также условие возможности самих вещей как предметов опыта"[Кант 1994, с. 166].

Итак, *во-первых*, эмпирическое созерцание дает лишь последовательность восприятий объектов во времени, и не может дать восприятия этих объектов как одновременно существующих в пространстве; поэтому, *во-вторых*, Кант вынужден прибегнуть к рассудочному понятию *последовательности определений* объектов, которые, в том случае, если основание определения одного объекта находится в другом объекте, и наоборот, дает *понятие* взаимодействия; *в-третьих*, получив таким образом *понятие* взаимодействия, Кант применяет его теперь как *трансцендентальное условие* восприятия объектов как одновременно существующих в пространстве; отнюдь не восприятие одновременности объектов позволяет нам мыслить их как находящиеся в полном взаимодействии, а напротив, *понятие* взаимодействия делает возможным восприятие этих объектов как одновременно существующих. Поскольку *логическое* понимание взаимодействия подразумевает то, что объекты сопринадлежат друг другу в общности своих определений, в силу чего возможен а-темпоральный переход от одного объекту к другому и обратно, то в отношении предметов возможного опыта, данных в эмпирическом созерцании, мы теперь можем говорить о *рекурсивности* восприятий объектов как субъективном критерии одновременности их существования. "Вещи сосуществуют, - говорит Кант - поскольку они существуют в одно и то же время. Но по какому признаку мы узнаем, что они находятся в одном и том же времени? В том случае, если порядок в синтезе схватывания этого многообразного

безразличен, т.е. если синтез может идти не только от *A* через *B*, *C*, *D* к *E*, но и наоборот, от *E* к *A*. В самом деле, если бы этот синтез был последователен во времени (начинался бы с *A* и кончался бы в *E*), то было бы невозможно схватывать в восприятии с *E* и идти обратно к *A*, так *A* относилось бы к прошедшему времени, и, следовательно, не могло бы уже схватываться"[Кант 1994, с. 166].

Рассматривая ход доказательства "третьей аналогии" в целом, можно видеть, что Кант попросту *обходит* непреходимую границу между одновременностью вещей в пространстве и последовательностью восприятий этих вещей во времени, о которой у нас уже шла речь, при помощи *перехода в другой род*, т.е. переходя от последовательности восприятий вещей к последовательности определений этих вещей, и усматривая в общности определений различных субстанций *рассудочное понятие* взаимодействия. В свою очередь, поскольку общность определений субстанций представляет собой *атемпоральный синтез*, то Кант получает здесь так же искомое понятие *одновременности как логический эквивалент полного взаимодействия*, которое он использует как априорный масштаб для последовательности восприятий вещей во времени, наделяя, тем самым, сами эти восприятия *объективной* значимостью. Рекурсивность наших восприятий вещей является всего лишь субъективным синтезом, и поэтому она не может сама по себе привести нас к пониманию воспринимаемых вещей как одновременных в пространстве; однако именно понятие одновременности, добытое на путях исключительно метафизической аргументации, позволяет рассматривать рекурсивность восприятий вещей как объективное свидетельство их одновременного существования в пространстве, и, тем самым, - их полного взаимодействия. Таким образом, одновременность существования субстанций в пространстве следует из понятия взаимодействия между ними; именно потому, что мы допускаем полное взаимодействие между субстанциями, мы *обязаны* мыслить их как одновременно существующие.

Однако здесь возникает новая трудность, которую Кант очень хорошо видит, с которой он пытается справиться, вследствие чего данное им доказательство полного взаимодействия субстанций, казалось бы полностью законченное, начинает развиваться по второму кругу. Дело в том, что общность определений различных субстанций, когда определения одной субстанции являются *в то же самое время* и определениями другой, принимаемая Кантом в качестве рассудочного понятия взаимодействия,

представляет собой исключительно *логическую топологию*, в которой сами субстанции являются всего лишь субъектами логических операций. Однако взаимное определение субъектов, означающее, что предикаты одного из них есть в то же время и предикаты другого, отнюдь не является *взаимодействием* этих субъектов, поскольку для взаимодействия субстанций требуется такой фактор как *сила*, отсутствующий в логике определений. Другими словами, взаимодействие как взаимное *действие*, есть *динамическое* отношение сил, а не логическое отношение субъектов определений.

Поэтому Кант *перетолковывает* логическое отношение в динамическое, понимая взаимную определимость субстанций как *причинное взаимоотношение* между ними, когда свойства одной субстанции оказываются эффектом воздействия на нее со стороны другой субстанции, и наоборот. Поскольку же этот эффект является, в свою очередь, силой, порождающей в другой субстанции соразмерный ей эффект, то в отличие от "второй аналогии", трактующей причинность как последовательность *во времени*, взаимодействие есть такого рода причинность, которая характеризуется одновременностью как *стоячим временем*, которое действительно как бы стоит неподвижно *между* субстанциями, не разделяясь на фазы "до" и "после". "Следовательно, - говорит Кант - если одновременное существование должно быть познано в каком-нибудь возможном опыте, то всякая субстанция (так как она может быть следствием только в отношении своих определений) должна содержать в другой субстанции причинность тех или иных определений и вместе с тем содержать в себе действия причинности другой субстанции, иными словами, субстанции должны находиться в динамическом общении (непосредственно или опосредованно) [Кант 1994, с. 167]". Таким образом, поскольку Кант допускает *динамическое общение* между субстанциями, которое отнюдь не является уже только *рассудочным понятием* взаимодействия как взаимной определимости субстанций, то мы теперь вправе поставить следующий вопрос: насколько возможен переход от логики, понимаемой в трансцендентальном смысле, как априорной структуры чистых рассудочных понятий, обеспечивающей объективную значимость предметов возможного опыта, к физике? Не имеем ли мы здесь дело с еще одним переходом в другой род?

Динамическое общение есть *взаимодействие сил*, однако сила не может быть *явлением* мира. К примеру, сила, именуемая "всемирным

тяготением", дана в явлениях брошенного вверх камня, или движения Луны вокруг Земли, но при этом сама эта сила, о природе которой Ньютон благоразумно предпочитал не измышлять никаких гипотез, не является предметом возможного опыта. В опыте нам даны Луна и Земля, причем рекурсивность наших восприятий этих объектов свидетельствует о том, что они действительно *сосуществуют*; однако при этом в сосуществовании Луны и Земли нам никоим образом не дано их взаимодействие, равным образом как и сосуществование любых предметов в пространстве в равную единицу времени само по себе не свидетельствует о том, что между этими предметами имеется "динамическое общение". Сила находится как бы *за экраном* мира, на котором мы видим лишь явления, т.е. то, что может быть полностью развернуто в пространстве и времени как априорных формах созерцания. В этом смысле сила есть *ноумен*. Поэтому трансцендентальная философия представляет нам лишь *кинематику мира*, тогда как *трансцендентальная динамика* оказывается здесь заведомо невозможной. Тем самым, переход от рассудочного понятия взаимодействия как общности предикатов субстанций к их динамическому общению в действительности является *парадоксом*.

Поскольку сила не может быть явлением, и, тем самым, входит в состав возможного опыта, то Кант, рассуждая о динамическом общении субстанций, начинает говорить о пространстве этого общения так, как если бы оно было не чистой формой созерцания, не формальным условием явлений предметов возможного опыта, а *способом существования вещей самих по себе*. Поэтому условием полного взаимодействия субстанций, и, тем самым, одновременности их существования в пространстве, становится пространство как *физическая среда* взаимодействия, в которой нет и быть не может быть никаких пустых промежутков. Разделенные пустыми промежутками субстанции попросту не могли бы взаимодействовать, и поэтому восприятие их как одновременно существующих в пространстве стало бы невозможным. "В самом деле, - говорит Кант - если бы мы вообразили, что они [субстанции] отделены друг от друга совершенно пустым пространством, то восприятие, переходящее во времени от одной из них к другой, определяло бы, правда, существование второй из них посредством следующего восприятия, но не могло бы различить, объективно ли следует это явление за первым явлением, или оно, скорее, существует с ним одновременно"[Кант 1994, с. 167].

Мы явно оказываемся здесь за пределами трансцендентальной философии, трактующей пространство как условие явлений вещей, а не как условие их существования за пределами возможного опыта. Однако, истолковывая логическое отношение субстанций как "динамическое общение" между ними, Кант не просто превращает логику в физику, но и вынужден теперь рассматривать физику как финальное обоснование логики, оказываясь на *зыбкой границе* между *возможным опытом*, в основании которого лежит "Я" как трансцендентальное единство самосознания, и *возможностью опыта*, определяемого трансцендентными ему физическими условиями взаимодействия. Так, физическим условием возможности самого восприятия является *свет*, в отсутствии которого невозможен никакой *commercium* между субстанциями: "Из нашего опыта нетрудно понять, что только непрерывные влияния во всех местах пространства могут направлять наши чувства от одного предмета к другому, что свет, идущий от небесных тел к нашим глазам, устанавливает опосредованное общение между ними и нами и тем самым показывает одновременное существование их, что мы не могли бы эмпирически переменить свое место (и воспринять эту перемену), если бы материя не делала для нас повсюду возможным восприятие нашего места, и *только посредством своего взаимного влияния материя может обнаружить свое одновременное существование* (Разрядка моя - Р.Л.) и вместе с тем (хотя только опосредованно) сосуществование самых отдаленных предметов" [Кант 1994, с. 167].

Таким образом, поскольку мы находимся в пространстве физических взаимодействий, то критерием одновременного существования субстанций в пространстве является уже не атемпоральный синтез их логических определений, а свет как физическое условие одновременности их восприятий. Поэтому мысль Канта втягивается здесь в исключительно *физические* коллизии, о наличии которых сам он, ограниченный рамками ньютоновской физики своего времени, не мог иметь никакого представления; полагая свет условием *одновременности* восприятия и воспринимаемого мы должны считать скорость света *бесконечной*. Однако именно конечность скорости света, являющаяся фундаментальной константой современной физики, делает невозможной никакую одновременность, полагая неустранимую диахронию между восприятием объекта и объектом восприятия. Так мое восприятие Солнца не одновременно Солнцу, свету которого требуется определенное время,

чтобы быть воспринятым наблюдателем, а наше восприятие космических объектов может быть отделено миллионами лет от источника этих восприятий. Созерцание звездного неба, пробуждавшее в Канте вечно живые чувства удивления и благоговения, возможно обрело бы другую тональность, будь оно осознано им как созерцание *абсолютного прошлого* вселенной, т.е. такого прошлого, которое абсолютно *несоразмерно человеку*.

Таким образом, *общность* предикатов субъектов, принимаемая как рассудочное понятие взаимодействия, превращается у Канта в динамическое *общение* субстанций, причем, по мысли Канта, данный переход от логики к динамике может быть усилен неоднозначностью немецкого слова *Gemeinschaft* - общность: "Слово *Gemeinschaft* в немецком языке имеет двоякий смысл и может обозначать то же, что *communio*, или то же, что *commercium*. Мы пользуемся им здесь в последнем смысле, имея в виду динамическое общение, без которого даже и общность места (*communio spatii*) никогда нельзя было бы познать эмпирически"[Кант 1994, с. 167]. Тем самым, поскольку в одном слове соединены логическое значение общности (*communio*) и динамическое значение взаимоотношения (*commercium*), то это и позволяет Канту с легкостью перетолковывать одно значение в другое, не выходя при этом за пределы понятия общности как внутренней формы слова *Gemeinschaft*. Открываемое в слове *Gemeinschaft* внутреннее пространство, заданное двумя его различными значениями, служит для Канта прологом к завершающему аккорду доказательства "третьей аналогии опыта", который, по словам Канта, должен "служить пояснением" уже сказанного.

"Следующее замечание может служить пояснением. В нашей душе все явления как содержащиеся в возможном опыте должны находиться в общности (*communio*) апперцепции, и поскольку предметы должны представляться связанными [друг с другом] как одновременно существующие, они должны определять друг другу место во времени и благодаря этому составлять одно целое. Если эта субъективная общность должна покоиться на объективном основании или относиться к явлениям как субстанциям, то восприятие одного из явлений должно как основание делать возможным восприятие другого явления, и наоборот, не для того, чтобы последовательность, будучи всегда схватыванием в восприятиях, приписывалась объектом, а для того, чтобы объекты могли быть представлены как одновременно существующие. Но такое [отношение]

есть взаимное влияние, т.е. реальное общение (*commercium*) субстанций, без которого, следовательно, не могло бы иметь место в опыте эмпирическое отношение одновременности"[Кант 1994, с. 168].

Здесь суммарно представлена вся тяжеловесная кантовская дедукция одновременности объектов в пространстве, от общности апперцепций к взаимодействию субстанций. Явления возможного опыта образуют "в нашей душе" общность апперцепций. Однако такая общность носит субъективный характер, и поэтому она нуждается в объективном основании, которое позволяет представить отношение апперцепций (*communio*) как отношение субстанций (*commercium*), чтобы, тем самым, перейти от последовательности восприятий *во времени*, когда сама эта последовательность приписывается объектам восприятий, к восприятию объектов как одновременно существующих в пространстве, осуществив таким образом трансцендентальный поворот, поскольку восприятие одновременности не может иметь места в эмпирическом созерцании. Однако, вопреки заявленной Кантом цели "служить пояснением", данное рассуждение лишь усиливает ощущение неясности, а использование двух значений слова *Gemeinschaft* не только не делает его более прозрачным, но напротив, оставляет на всем рассуждении печать неустранимой двусмысленности. Эта исходная непрозрачность доказательства "третьей аналогии", которая, как кажется, становится тем сильнее, чем в большей мере Кант пытается сделать его более ясным и открытым для понимания, является следствием собственных претензий Канта на то, чтобы *соединить несоединимое*, когда он пытается осуществить *непрерывный переход* из логического пространства понятий в физическое пространство взаимодействий, а в понятии одновременности объединить то, что неустранимо *разновременно*. Так, омонимия значений слова *Gemeinschaft* позволяет Канту, как ему самому кажется, свободно переходить из пространства логики в пространство физики, но так, чтобы *самим этим переходом* придать физике априорный масштаб логики; одна только *метафора* превращает у него физику в *метафизику*!

Наконец пришло время дать критическое резюме всему доказательству "третьей аналогии опыта" в целом. Прежде всего, мы видим, что доказательство полного взаимодействия субстанций как одновременно существующих в пространстве невозможно развернуть в аналитический ряд, пройдя одним непрерывным движением весь путь от восприятий объектов во времени к одновременности их существования, а

отсюда - к их полному взаимодействию. Напротив, мы видим, что мысль Канта то и дело попадает в "непроходимое место", из которого она выбирается только при помощи искусственных аналогий, логических или физических, так что все доказательство "третьей аналогии опыта" само является аналогией. Ранее мы уже выделили два таких "места", пройти через которые мысль Канта может не иначе, как *перескочив* через них, и где анализ упирается в нечто такое, что не поддается никакому анализу: соответственно, мы можем назвать эти непроходимые места *эстезисной* и *динамической* апориями.

Во-первых, апория эстезиса означает невозможность аналитического перехода от последовательности восприятий объектов во времени к восприятию их как одновременно существующих в пространстве. Свободное чередование восприятий объектов, которое, как кажется Канту, является субъективным условием полагания этих объектов как одновременно существующих, вообще не может быть таким условием в силу одного, но довольно веского обстоятельства. Одновременность существования объектов в пространстве есть данность этих объектов в *одну*, равную каждому из них, единицу времени. Однако в свободном чередовании наших восприятий объектов, когда мы можем в произвольном порядке переходить от одного объекта к другому, сами объекты даны нам в *различные моменты времени*. Другими словами, обратимость во времени ряда объектов, когда мы способны множество раз пробежать весь этот ряд туда и обратно, не влечет за собой *обратимости самого времени*, так что никакое свободное чередование этих объектов *во времени* не даст нам в итоге одну, общую всем объектам единицу времени, которая позволила бы нам говорить об их одновременном существовании. Открывающаяся здесь апория является ничем иным, как *диахронией*, которая указывает на невозможность одновременности, т.е. *полной синхронизации*. В этом смысле, диахрония означает такую *дискретность времени*, которая столь же не поддается анализу, как и не может быть возведена в какой-либо синтез, поскольку невозможен синтез дискретного. Это *разновременность*, принципиально не поддающаяся сведению в одно, общее для всех время.

Как мы знаем, Кант выскакивает из этой апории, хватаясь за "рассудочное понятие" взаимодействия, в котором чередование объектов во времени становится чередованием их определений. Этот прыжок из эстезиса в логику крайне необходим, поскольку только *вневременность* логики может дать Канту то понятие одновременности, которое нельзя

обрести в области эстезиса, где мы имеет дело исключительно с предметами, данными в различных частях пространства и в различные моменты времени.

Интересно заметить, что доказательство "третьей аналогии" является в этой его части совершенно *избыточным*, поскольку в основании подлежащей доказательству одновременности субстанций, т.е. *синтеза пространства и времени*, уже положено "аналитическое единство сознания", т.е. само-аффективность "Я", которая и образует природу трансцендентального субъекта. Но, поскольку трансцендентальный субъект существует *вне времени*, то явления мира, как каждое из них по отдельности, так и все явления целом, *одновременны* ему. Будучи атемпоральным единством, трансцендентальный субъект присутствует в *каждом* моменте времени. В силу того, что аналитическое единство сознания является исключительно метафизическим постулатом, лежащим в основании всего здания трансцендентальной философии, то доказательство "третьей аналогии" ничего не может к нему прибавить. Как известно, метафизические постулаты недоказуемы!

Во-вторых, динамическая апория равным образом демонстрирует невозможность аналитического перехода от рассудочного понятия взаимодействия к реальному взаимодействию объектов в пространстве, поскольку, как уже было сказано, рассудочное понятие взаимодействия остается только *логическим* взаимоопределением субъектов. Реальное взаимодействие имеет место не в логическом пространстве понятий, а в физическом пространстве сил, в которое невозможно перейти путем чисто логической дедукции. Однако, если эстезисная апория может быть нейтрализована путем обращения к синтетической деятельности сознания, задающего структуру возможного опыта, то "динамическая" апория имеет куда более серьезный характер, поскольку она вообще выводит нас за рамки трансцендентальной философии, и, соответственно, не может быть преодолена апелляцией к трансцендентальной субъективности. Попадая в эту апорию, мы оказываемся в пространстве, "трансгредиентном" (по выражению М.М. Бахтина) как логическому пространству понятий, так и пространству чистого эстезиса. Здесь мы имеем дело с *силой*, которая отнюдь не является понятием механики как раздела физики. Сила есть *узловая точка синтеза*, который имеет совсем иную пространственно-временную структуру, чем трансцендентальный синтез, в основание которого положено аналитическое тождество сознания. Тем самым, мы

имеем здесь дело с *трансцендентным синтезом*, "основанием" которого является *чистое действие* как *чистое различие*. Трансцендентальный синтез, в основании которого лежит трансцендентальный субъект как единство чистой апперцепции, есть совокупность условий *возможного опыта*, тогда как трансцендентный синтез есть условие возможности самого трансцендентального субъекта, и, тем самым, условие *возможности опыта* так такового. Таким образом, в пространстве чистого действия исчезает сама дилемма аналитических суждений разума и синтетических суждения опыта, решением которой стала кантовская теория априорно-синтетических суждений, поскольку чистое действие есть *метафизическое апостериори* субъекта как априорного условия трансцендентального синтеза.

Литература:

Кант И. Критика чистого разума. Москва. 1994

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

The proof of third analogy of experience in Kant's Critiques of Pure Reason: between the experience possible and possibility of experience.

Abstract: *The paper demonstrates that proof of third analogy of experience given by Kant in his Critiques of Pure Reason cannot be developed as an continuous analytical process. First of all, there is not any analytical shift from different moments of time to its simultaneity in one perception. Equally, it is impossible to overcome the interval that there is between rational concept of interaction and real interaction of bodies in space and time.*

Keywords: *analogy of experience, diachroniy, simultaneity, interaction.*

Лошаков Руслан Анатольевич, доктор философских наук (история философии), профессор Папского университета Иоанна-Павла Второго в Кракове, профессор Свято-Филаретовского Института в Москве, veroneze1120@hotmail.se

Loshakov Ruslan - Doctor of Sciences in Philosophy (History of Philosophy), professor of Pontifical University of John Paul II (Krakow, Poland), professor of St. Philaret's Christian

Orthodox Institute (Moscow, Russia), veroneze1120@hotmail.se